

Сергей
ПЛОХИЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ НАЦИЙ

ДОМОДЕРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
В УКРАИНЕ И РОССИИ

Сергей Плохий
Происхождение
славянских наций.
Домодерные идентичности
в Украине и России
Серия «Большой научный проект»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34753303

*Происхождение славянских наций. Домодерные идентичности в
Украине и России: Фолио; Харьков; 2018
ISBN 978-966-03-8091-2*

Аннотация

Вопрос об истинных исторических корнях современных украинцев и россиян является темой досконального исследования С. Плохия в книге «Происхождение славянских наций. Домодерные идентичности в Украине и России». Опираясь на достоверные источники, автор изучает коллизии борьбы за наследство Киевской Руси на основе анализа домодерных групповых идентичностей восточных славян, общего и отличного в их культурах, исторических мифах, идеологиях, самоощущении себя и других и т. п. Данная версия издания в составе трех очерков

(«Было ли «воссоединение»?», «Рождение России» и «Русь, Малороссия, Украина») охватывает период начала становления и осознания украинской державности – с середины XVII до середины XVIII века – и имеет целью поколебать устоявшуюся традицию рассматривать восточнославянские народы как загодя обозначенные исконные образования, перенесенные в давние времена нынешние этноцентрические нации. Идентичность является стержнем самобытности народа и всегда находится в движении в зависимости от заданной веками и обстоятельствами «программы», – утверждает это новаторское убедительное исследование, рекомендованное западными и отечественными рецензентами как непереносимое чтение для всех, кто изучает историю славянства и интересуется прошлым Восточной Европы.

Содержание

От автора	6
Было ли «воссоединение»?	16
От войны к альянсу	21
Парадигма воссоединения	38
Конец династии	52
Границы московской идентичности	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сергей Плохий
Происхождение
славянских наций.

Домодерные идентичности
в Украине и России

© С. Н. Плохий, 2018

© М. В. Тоньшева, перевод на русский язык, 2018

© Е. А. Гугалова, художественное оформление, 2018

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

От автора

Распад Советского Союза в 1991 году продемонстрировал всему миру, что СССР и Россия – это вовсе не одно и то же, хотя, используя эти названия как синонимы, западная пресса десятилетиями приучала читателей к обратному. Политические события на постсоветском пространстве показали, что отождествлять СССР с Россией было неправильно не только в отношении неславянских республик бывшего Союза, но и относительно украинцев и белорусов, ближайших восточно-славянских родственников россиян. Все три новых независимых государства проявили свой характер по-разному и выбрали собственный путь непростых посткоммунистических преобразований. После длительного периода политической нестабильности и экономического хаоса Россия выбрала вариант сильного государства с явной склонностью к авторитаризму и взяла на себя роль региональной супердержавы. Беларусь, пережив короткий период демократического развития, остановилась на пути реформирования политической и экономической системы и начала практиковать несоветскую идеологию и жесткий авторитаризм с элементами культа личности. Украина, страна, наиболее демократическая из всех восточнославянских государств, после долгого колебания между Востоком и Западом взяла курс на Европу. Аннексия Россией Крыма и развязанная ею война в Донбас-

се перечеркнули формировавшийся десятилетиями, если не столетиями, миф о двух братских народах.

Советские историки часто писали о Киевской Руси как о колыбели трех братских народов. Следуя этой логике, восточные славяне, подобно строителям Вавилонской башни, первоначально составляли одну древнерусскую народность, которая говорила на одном языке. И только вследствие монгольского нашествия этот древнерусский народ разделился, а его развитие пошло разными путями, что в конце концов и привело к формированию трех современных наций. Российские имперские историки, а вслед за ними и часть современных российских политиков, придерживались и придерживаются иной точки зрения: история Киевской Руси принадлежит единой неделимой российской нации, а украинцы и белорусы – ее подгруппы, их культура – варианты российской культуры, а языки – диалекты русского языка, а не отдельные языковые и культурные феномены. Украинская национальная историография, наоборот, рассматривает Киевскую Русь как изначально украинское государство и утверждает, что различия между россиянами и украинцами, и довольно существенные, были заметны еще в те времена. Этот взгляд имеет определенную поддержку среди белорусских историков, которые ищут истоки своей нации в истории средневекового Полоцкого княжества. Кто же из историков прав? Где находятся истоки трех современных восточнославянских наций? Именно эти вопросы я ставил перед собой, исследуя

происхождение современных Украины и России¹.

В этой книге я исхожу из того, что киеворусский проект создания одной идентичности все-таки оказал глубокое влияние на будущие идентичности всех этнических групп в составе киевской державы. Я рассматриваю восточных славян послекиевского периода как многочисленную группу личностных сообществ, которые имели и развивали собственные идентичности. Количество домодерных восточнославянских сообществ, возникших на руинах киевской державы, менее семидесяти двух – числа народов, на которые Господь разделил человечество, дав дерзким зодчим Вавилонской башни разные языки. Но явно больше количества народностей или этносов, насчитанных как поборниками существования одной древнерусской народности, так и теми, кто заявляет, что три отдельных восточнославянских народа существовали с самого начала. Подход, который я использую в исследовании исторических корней современных украинцев и россиян, основывается на идентификации и реконструкции утраченных структур групповой идентичности. Меня особенно интересуют те типы идентичностей, которые

¹ О конкурентных интерпретациях киеворусской истории в современной российской, украинской и белорусской историографиях см.: Andrew Wilson, *The Ukrainians: Unexpected Nation* (New Haven and London, 2000), pp. 1—11 (укр. пер. Эндрю Уилсон. Українці: несподівана нація. – К: KIC, 2004; Taras Kuzio, «Historiography and National Identity among the Eastern Slavs: Towards a New Framework», *National Identities* 3, no. 2 (2001): 109–132. Во всех восьми главах книги имеется детальный историографический обзор этих интерпретаций.

можно интерпретировать как более-менее далеких предшественников современных идентичностей современных наций. Я исхожу из предположения, что не существует этноса или народа без личностной идентичности; найти корни такой идентичности означает, по сути, показать корни самогó народа и нации.

Эта книга является частью более обширной работы, которая впервые вышла на английском языке, а затем – в переводе на белорусский и украинский языки, и охватывает период от принятия христианства в Киевской Руси до середины XVIII века, когда на сознание восточнославянских элит начали влиять идеи современного национализма. В данное издание включены главы, охватывающие период XVII и первую половину XVIII веков. Идея написания этой книги возникла вследствие разочарования тем, как домодерную историю восточных славян рассматривают в современной исторической литературе. В университетских учебниках и массовой литературе по этой тематике до сих пор преобладают концепции, сформированные на рубеже XIX-XX веков и связанные с «примордиалистскими» попытками найти современную нацию далеко в прошлом. Моя книга ставит под сомнение попытки «национализировать» восточнославянскую историю от имени современных наций и показывает развитие домодерных идентичностей, которое выходит за пределы привычной восточнославянской триады.

В этой книге я нередко объединяю привычные для пост-

советского читателя категории этноса, народа и нации и использую вместо них термин «этнонациональный». Я также разделяю нации на современные и домодерные, употребляя понятие «домодерная нация» рядом с понятием «этнос» как одним из главных терминов своего исследования. Я использую этот термин для обозначения домодерных сообществ, которые приобрели многие (но не все) характеристики современной нации. В разные времена нации очерчивали на основе культуры, языка, религии, территории и государственности, если ограничиться наиболее очевидными факторами². Итак, определяя различие между домодерными сообществами и современными нациями, я вместе с тем не уклоняюсь от употребления термина «нация», который встречается в некоторых раннемодерных источниках, когда я анализирую домодерную историю восточных славян. Достаточно последовательно я использую термин «нация», когда речь заходит о событиях начала XVII века, и считаю, что русское и московское сообщества того времени – первые восточнославянские группы, которые приобрели характеристики домодерных наций. Они представляли собой тип сообщества, которое преимущественно ограничивалось только элитой, но уже выстроило идентичность, отдельную от концепции лояльности правителю или династии (или же параллельную ей).

Политические и церковные элиты, занимавшиеся проек-

² Об изменениях значения понятия «нация» см.: Liah Greenfeld, *Nationalism: Five Roads to Modernity* (Cambridge, Mass., 1992), pp. 4–9.

тами создания идентичности, оставили немало текстов, которые проливают свет на развитие этнонациональных идентичностей. Эффект этих проектов можно оценить благодаря влиянию, которое они оказали на идентичности сообществ. И здесь начинают возникать проблемы. Во многих случаях сложно оценить меру этого влияния из-за недостатка источников. Хотя я и старался обращать как можно больше внимания на проявления этнонациональной идентичности рядовых членов восточнославянских сообществ, книга часто сосредотачивается на элитах и попытках элит сконструировать и воплотить этнонациональные проекты.

Когда речь заходит об «идентичных текстах», продуцированных элитами, стоит напомнить, что политические и религиозные институты, с которыми эти элиты были тесно связаны, как правило, поддерживали идентичности, которые легитимизировали их существование и представляли их идеологии. Было бы ошибкой в этом отношении трактовать этнонациональные идентичности отдельно от политических, религиозных и прочих типов лояльностей, сконструированных и поддержанных раннемодерными институтами и сообществами. В этой книге речь идет главным образом об этнических и национальных идентичностях, но другим типам, а именно – религиозной, политической и социальной – также уделено внимание, как правило, в связи с формированием первых двух. Судя по всему, до конца XVIII века этнонациональные идентичности занимали второстепенное место в

сравнении с другими типами идентичности и лояльности, такими как семейная, клановая, групповая, региональная, династическая и религиозная. Однако же это не означает, что к этому периоду этнонациональной идентичности не существовало или что она не влияла на формирование коллективного и индивидуального самосознания в домодерных обществах.

Из-за того, что в центре внимания этой книги оказываются архитекторы и творцы идентичности, главной аналитической категорией выступает «проект создания идентичности» (identity-building project). Анализируя восточнославянские идентичности, я показываю, как они конструировались посредством различных инициатив, в ходе которых возникали «резервуары» коллективной памяти, образов и символов. Первый такой пример – русский проект киевского периода, послуживший основой для большинства более поздних проектов, которые развивали восточнославянские элиты, в частности, это московский проект, с которым по другую сторону монгольской границы конкурировал русский проект украинских и белорусских элит. Во второй половине XVII века в Восточной Европе зародился проект создания современной российской идентичности с открытой границей меж его имперским и национальным компонентами. Он приобрел вполне конкретные признаки в первые десятилетия XVIII века, во времена Петровских реформ. Где-то в то же самое время происходило формирование украинской

казацкой идентичности, которая легла в основу украинского современного национального проекта. Русская идентичность, которая развивалась в Великом княжестве Литовском, заложила почву для белорусского национального проекта XIX века. В конце XVIII века из книжного церковно-славянского кокона вышли первые литературные произведения, написанные на языках, приближенных к современным русскому и украинскому.

Оговариваемые в этой книге исследовательские вопросы в большей мере порождены историографической традицией. Каждый очерк я начинаю, анализируя различные взгляды на тот или иной вопрос, а в выводах – резюмирую мое понимание историографических проблем, изложенных в начале. В историографической части особое внимание уделено взглядам российских и советских историков, которые до сих пор имеют значительное влияние на восточноевропейские и западные интерпретации истории региона. Я детально останавливаюсь на сильных и слабых сторонах каждой историографической концепции, но моя цель – не определять победителей в историографических дискуссиях, а выйти за границы национальной парадигмы, которая определяла направление историографических дебатов моих предшественников, и представить свежий взгляд на предмет. Определенный способ оценить адекватность историографической традиции – проверить ее предположения и выводы на основе источников, что и является главным элементом моего исследования.

Поэтому читателя ждут обширные цитаты из многих исторических источников.

Затронутые в книге провокационные вопросы, – например, кто имеет бóльшие права на киеворусское наследство, – специалистам могут показаться упрощением и анахронизмом. Но эти вопросы до сих пор не утратили актуальности, они фигурируют в публичных дискуссиях о домодерной истории восточных славян и зачастую помогают разобраться с «историографически корректными» вопросами, которыми и занимаются специалисты. Задолго до того, как я начал писать эту книгу, национальные историографические нарративы были поставлены под сомнение в специальных исследованиях отдельных периодов восточнославянской истории. Например, дискуссии о древнерусской народности укрепили концепцию одной русской народности, а исследования раннеמודерных Беларуси и Украины поставили под сомнение существование отдельных украинской и белорусской народностей в XVI – начале XVII столетий. Но доныне не осуществлялась систематическая попытка переоценить целую историографический парадигму. Другая моя цель (притом рискованная) – предложить новую схему развития восточнославянских идентичностей и таким образом заложить основу для реконцептуализации домодерной истории России, Украины и Беларуси. Надеюсь, что обе эти попытки стимулировать новые исследования истории восточнославянских идентичностей и дадут в результате новую синтезу истории

восточных славян.

И напоследок несколько слов об издании книги, которое вы держите в руках. В него были включены главы, касающиеся, в первую очередь, раннего модерна, где основное внимание уделено украинско-российским отношениям. Хотя история белорусских идентичностей представлена здесь почти исключительно в контексте формирования протоукраинских и протороссийских национальных идентичностей, вступление и выводы к данной книге дают широкое представление о роли белорусской составляющей в истории националсозидания восточных славян.

Было ли «воссоединение»?

Немногие события в раннемодерной истории восточных славян привлекали столько внимания или вызывали столь острые дискуссии, как Переяславский договор, заключенный в январе 1654 года между украинским гетманом Богданом Хмельницким и московскими боярами. Когда президент Украины Леонид Кучма, старательно пытаясь угодить своему российскому коллеге Владимиру Путину, подписал в марте 2002 года указ о праздновании 350-летия Переяславской рады, которая с украинской стороны подтвердила достигнутые договоренности, оппозиция немедленно обвинила президента в раболепии перед Россией. Указ повлек за собой ожесточенную дискуссию в научных кругах и медийном пространстве. В январе 2004 года украинским властям пришлось сократить масштабы торжества, к большому сожалению российской делегации, которую возглавлял президент Владимир Путин, прибывший в Киев на празднование «года России в Украине»³.

³ О последствиях указа Кучмы см.: Taras Kuzio, «Ukraine's "Pereiaslav Complex" and Relations with Russia», *Ukrainian Weekly* 50, № 26 (26 May 2002). Об отношении российских СМИ в январе 2004 года к охлаждению Киева к годовщине Переяславского договора см. отчет мониторинговой службы BBC о российских теленовостях за 23 января 2004 года. Ведущий новостей на REN-TV из студии в Москве сообщил, что во время визита в Киев Владимир Путин планирует принять участие в праздновании годовщины Переяславской рады, «символа россий-

«Боярин Бутурлин принимает присягу от гетмана Хмельницкого на подданство». *Неизвестный автор 1910 г*

Что же такого в Переяславском договоре вызвало негодование многих украинских политиков и научных деятелей и обеспечило одобрение со стороны российской политической и научной элиты? В основе разногласий лежит не столько само событие или твердые исторические факты, сколько

ско-украинского единства». Но в репортаже из Киева корреспондент REN-TV отметил, что «ничто на улицах Киева не напоминает ни о 350-летию Переяславской рады, которую историки описывают как момент объединения двух стран, ни о годе России в Украине, не о близком визите российского президента. Около памятника Богдану Хмельницкому к нам подошел пожилой человек, чтобы спросить, когда начнется пикет против визита Путина».

его толкование, в частности в Российской империи XIX века и ее государстве-преемнике – СССР. Не случайно критики президента Кучмы обвинили его в возрождении советской традиции праздновать «воссоединение Украины с Россией». Такой официальной формулой советская историография после Второй мировой войны описывала Переяславский договор. В советское время это событие праздновалось дважды. Впервые в 1954 году под звонкие фанфары были проведены масштабные мероприятия, которые сопровождались передачей полуострова Крым с российского подчинения в украинское. ЦК КПСС утвердил «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией», которые вплоть до конца существования Советского Союза определили интерпретацию российско-украинских отношений. В 1979 году, во время приближения 325-летия Переяславской рады, ЦК КПУ утвердил программу торжественных мероприятий, повторив трактовку этого события, выдвинутую в 1954 году⁴.

⁴ Об оценке Переяславской рады в советской историографии в связи с торжествами 1954 года по случаю «воссоединения Украины с Россией» см.: John Basarab, *Pereiaslav 1654: A Historiographical Study*, Edmonton, 1982, с. 179–187, а также введение к этой книге: Ivan L. Rudnitsky, «Pereiaslav: History and Myth», с. xi – xxiii (укр. пер.: Иван Лысяк-Рудницкий, «Переяслав: история и миф», у него же: Исторические эссе, т. 1, Киев, 1994, с. 71–82). Англ. пер. «Тез...» см.: Basarab, *Pereiaslav 1654*, с. 270–287.

ТЕЗИСЫ
о 300-лети
ВОССОЕДИНЕНИЯ
УКРАИНЫ С РОССИЕЙ
(1654—1954 гг.)

*Одобрены Центральным Комитетом
Коммунистической партии Советского Союза*

Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией

Парадигма «воссоединения» стала первым конструктом советской историографии, который профессиональные историки Украины отправили в утиль, когда в конце 1980-х годов начали пересматривать коммунистическое наследие. Хотя в президентском указе 2002 года и не были указаны сроки «воссоединения», сама мысль о праздновании события, наполненного приобретенным в рамках советской национальной политики значением, не могла вызвать широкий резонанс в Украине. Но если абстрагироваться от современной политической жизни, то действительно ли в Переяславе произошло воссоединение? А если и произошло, то кто с кем воссоединялся и на каких условиях? Ниже мы рассмотрим эти вопросы с перспективы конструирования и эволюции восточнославянских этнонациональных идентичностей первой половины XVII века.

От войны к альянсу

В течение рассматриваемого периода произошел ряд событий, которые установили между москвитами и русинами более тесный контакт, чем когда-либо ранее. Условия для первой встречи этих двух восточнославянских сообществ, которые в то время очень отличались друг от друга, породило Смутное время – крупный политический, социальный и экономический кризис, охвативший Московию начала XVII века, – два десятилетия гражданских неурядиц и чужеземных вторжений. Ничто не предвещало такого поворота событий в 1589 году, когда московские правители удачно надавили на восточных патриархов и добились повышения московской митрополии до статуса патриархата. Впервые в истории в официальном московском дискурсе Москва позиционировалась как третий Рим. Кроме того, создание патриаршего престола в Москве положило конец расколу в православном мире, который инициировала в середине XIV века Флорентийская уния⁵.

Московия вернулась в объятия других православных народов, в то время как московский царизм, казалось, находился на вершине могущества.

⁵ О дискуссии о причинах Смуты см.: Chester Dunning, «Crisis, Conjuncture, and the Causes of the Time of Troubles», *Harvard Ukrainian Studies* 19 (1995), с. 97—119.

Первые сигналы надвигающихся бед появились в 1598 году, когда умер последний царь из династии Рюриковичей, Федор Иванович, не оставив после себя наследника. На этот раз ситуацию смогли урегулировать: на Земском соборе новым царем выбрали Бориса Годунова. Но урегулирование оказалось временным: в начале 1600-х годов, когда экономика и общество Московии дестабилизировались по причине нескольких лет неурожая, массового голода и народных волнений, Годунов неожиданно умер (в апреле 1605 года) – как раз тогда, когда в Украине бывший монах из Московии, Григорий Отрепьев, который выдавал себя за покойного царевича Дмитрия (сына Ивана Грозного), собрал из местного населения войско и перешел границу Московии, направляясь в Москву. В сопровождении польских и русских советников и войск Лжедмитрий вскоре вошел в Москву и занял царский престол. К удивлению многих москвитов, он не очень интересовался православными богослужениями и окружил себя католическими и протестантскими советниками, а также женился на польке католического вероисповедания. Неодобрительное поведение Лжедмитрия вынудило группу московских бояр совершить переворот, свергнуть самозванца и посадить на царский престол своего лидера Василия Шуйского. Почти сразу после воцарения Шуйский столкнулся с массовым восстанием под предводительством Ивана Болотникова, политической опорой которого была Черниговщина, пребывавшая в то время в составе Московского государства.

В 1608 году на русских землях Речи Посполитой появился еще один претендент на московский престол, так называемый Лжедмитрий II, чьи войска, которые по большей части состояли из украинских казаков, продвинулись далеко вглубь Московии.

Федор Иванович

Борис Годунов

Лжедмитрий I

Речь Посполитая в 1609 году официально отправила свое войско в Московию, а в следующем году во время очередного переворота Шуйского свергли с престола. После этого

власть перехватили семь бояр, которые предложили престол польскому королевичу Владиславу при условии, что он примет православие. К тому моменту войска Речи Посполитой уже заняли Москву, потому воцарение польского королевича на московском престоле казалось уже решенным фактом. Однако в это время московскую корону возжелал сам польский король Зигмунт III, не обещая при этом принять православие. Московские элиты могли представить чужака на своем престоле, но не могли смириться с мыслью об общем с соседней страной неправославном монархе. При таких обстоятельствах московский патриарх Гермоген возглавил оппозицию против польского короля и начал активную агитационную кампанию против чужеземной оккупации. Своими призывами он помог сформировать коалиционные силы под командованием провинциальных лидеров Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, которые осенью 1612 года изгнали войско Речи Посполитой из Москвы. В следующем году Земский собор избрал новым царем Московии юного Михаила Романова, отец которого, митрополит Филарет – бывший сторонник обоих Лжедмитриев и королевича Владислава – находился в польском плену. Когда династический кризис был преодолен, а на престоле уже восседал новый царь, началось медленное восстановление Московского государства, общества и идентичности⁶.

⁶ Новейшее изложение истории Смуты см. у: Chester Dunning, A Short History of Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of Romanov

Dynasty, University Park, Pa., 2004. О Григории Отрепьеве и других претендентах на московский престол во время Смуты см.: Maureen Perrie, *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles*, Cambridge, 1995. Взгляд на претендентов на царство как культурный феномен изложен в работе: Борис Успенский, «Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен», у него же: *Избранные труды*, т. 1, Семиотика истории. Семиотика культуры, Москва, 1994, с. 75—109.

Василий IV Шуйский

Кроме всего прочего, Смутное время стало уникальной возможностью для массовой встречи представителей двух частей Руси – польско-литовской и московской – пусть не при самых благоприятных условиях, зато впервые за много десятилетий и даже веков. Украинские казаки, которых часто сопровождали их семьи, пересекали московскую границу в рядах армий претендентов на московский престол, а под знаменами Зигмунта III в Московскую Русь приходили украинско-белорусские шляхтичи. В состав войска Лжедмитрия I входило более двадцати тысяч украинских казаков, а в войске Лжедмитрия II их было около тринадцати тысяч. Они дошли до центральных регионов Московии, а некоторые даже до Белоозера на севере. Встреча двух Русей происходила не только в форме убийств и грабежей, но и через создание новых семей. После завершения походов некоторые казаки оставались на московской службе, создавая для органов власти проблему их социальной и религиозной ассимиляции. Такие «встречи» длились на протяжении Польского похода 1618 года и Смоленской войны 1632–1634 годов⁷.

Присоединение к Речи Посполитой Смоленщины и Черниговщины, которые большую часть XVI века

⁷ Об участии казаков в событиях Смуты см.: Татьяна Опарина, «Украинские казаки в России: единоверцы или иноверцы? (Микита Маркушевский против Леонтия Плещеева)», Социум 3 (Киев, 2003), с. 21–44.

принадлежали Московии, создало новую ситуацию и дало возможность обеим сторонам сравнивать.

В середине XVII века в Украине вспыхнуло восстание под предводительством Богдана Хмельницкого, которое обусловило еще одну великую «встречу» московитов и русинов. Как и многие казацкие восстания этого периода, восстание 1648 года началось с вооруженного выступления в Запорожской Сечи. Оно отличалось от других тем, что Хмельницкий в самом начале сумел заручиться поддержкой традиционного врага казаков – крымских татар. Объединенное казацко-татарское войско оказалось непобедимым для войск Речи Посполитой. В мае 1648 года польская армия потерпела два сокрушительных поражения и полностью отдала Приднепровье в руки казаков, восставших крестьян и горожан. Жертвами народной войны, разгоревшейся летом, стали тысячи поляков, евреев и русских шляхтичей, – все эти категории населения в глазах мятежников ассоциировались с польским гнетом. Польское королевство осталось без регулярного войска, а созданное осенью 1648 года ополчение вскоре потерпело поражение. Казаки в сопровождении татар (которые не разбирали, где русин, а где не русин, когда доходило до грабежа и выкупа) дошли до Львова и Замостья, пустив волну паники вплоть до Варшавы на западе. Сейм, созванный для выборов нового короля после внезапной смерти Владислава IV в мае 1648 года, отдал предпочтение кандидату, которого поддерживал Хмельницкий, – брату покой-

ного короля Яну Казимиру. Казаки отступили. По крайней мере, временно.

«Встреча Хмельницкого с Тугай-беем». *Ю Коссак 1885 г*

Военные действия возобновились летом 1649 года. Казацкое войско, подкрепленное десятками тысяч восставших крестьян, окружило отряды Речи Посполитой в городе Збараж на Волыни. А вблизи города Зборов войско под командованием Хмельницкого напало на главные силы Речи Посполитой, которые под предводительством самого короля шли на помощь осажденным, заставив королевское войско обороняться. Новая победа казацкого войска казалась неминуемой, но крымский хан, которому было выгоднее за-

тянуть военный конфликт в Речи Посполитой и которого не устраивала решающая победа одной из сторон, решил заключить перемирие с королем. Дальнейшие переговоры завершились компромиссом. Зборовское соглашение признавало существование нового казачьего государства (которое в историографии получило название Гетманщина), но ограничивало территорию, подконтрольную казачеству, и сокращало численность казачьего войска до сорока тысяч (некоторые очевидцы оценивали величину казачьего войска, стоявшего под Зборовом, в 300 тысяч). Со своей стороны, Речь Посполитую также не устраивали достигнутые договоренности, навязанные королю при неблагоприятных обстоятельствах.

Итак, возобновление войны было только вопросом времени. Следующая крупная битва состоялась летом 1651 года под Берестечком на Волыни. Казаки и их союзники татары снова имели хорошие шансы на победу, но хан снова предопределил результат битвы, на этот раз просто сбежав с поля боя. Брошенные на растерзание вражескому войску, казаки потерпели крупное поражение. Хмельницкий сумел восстановить силы к осени, собрав новое войско, которое сошлось с коронными и литовскими войсками около города Белая Церковь в Приднепровье. Заключенный договор существенно урезал территорию Гетманщины и казачий реестр, но казачье государство сохранилось. В 1652 году Хмельницкий нанес новый удар, разбив силы Речи Посполитой под селом Батог на Подолье. А в следующем году произошла битва казачьего войска при поддержке крымских татар с армией Речи Посполитой у села Жванец, которая не была решающей⁸.

Осенью 1653 года Хмельницкий со старшиной пришли к выводу, что им нужен другой могущественный союзник. Татары сыграли важную роль в первых казачьих победах, но оказались ненадежными. Мало того, цена, которую Гетманщина заплатила союзнику, измерялась десятками тысяч

⁸ Как и Смута, восстание Хмельницкого дало обилие литературы. Подробный анализ первых лет восстания и ссылки на самые свежие работы по этой теме см. в англ. пер. синтеза Грушевского: Mychailo Hrushevsky, *History of Ukraine-Rus'*, ed. Frank E. Sysyn et al., т. VIII и IX, кн. 1, Edmonton – Toronto, 2002–2005.

украинских пленников, забранных в Крым в рабство. Хмельницкому пришлось считаться с антитатарскими настроениями своего народа, который начал убегать с Украины, пересекая московскую границу и оседая в Слободской Украине. Формально приняв османский сюзеренитет в тяжелый 1651 год, Хмельницкий не получил из Стамбула никакой военной поддержки. При таких обстоятельствах гетман оживил переговоры с царем, призывая московскую власть вступить в войну с Речью Посполитой. Переговоры между Москвией и казачим гетманом привели к заключению в январе 1654 года Переяславского договора и установке московского протектората над Гетманщиной – именно эти события стали известны в имперской России и советской историографии как «воссоединение»⁹.

⁹ О переяславских переговорах см. основательное собрание трудов: Переяславська рада 1654 року. Історіографія та дослідження, Київ, 2003.

Парадигма воссоединения

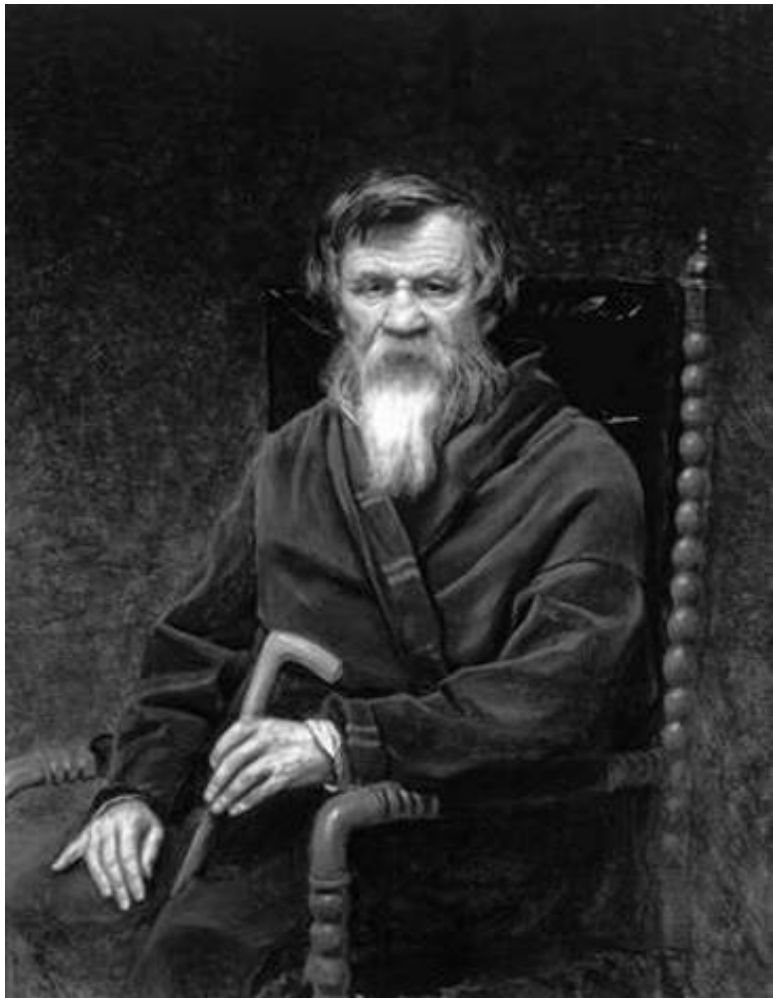
Истоки парадигмы воссоединения, господствовавшей в советской историографии российско-украинских отношений на протяжении многих десятилетий, прослеживаются, по меньшей мере, до конца XVIII века. После второго разделения Польши в 1793 году императрица Екатерина II отчеканила памятную медаль по случаю инкорпорации польско-литовской Руси в состав ее империи, на которой была вытеснена надпись «Отторженная возвратихъ»¹⁰. Имелось в виду возвращение территорий, которые когда-то принадлежали Рюриковичам и «российскому» государству. Подобного этатистского подхода к вопросу «воссоединения» в XIX веке придерживался и российский историк Михаил Погодин, который возглавлял панславистское движение. Он утверждал, что сквозным мотивом российской истории было возвращение тех частей Русской земли, которые были отняты, начиная со времен Ярослава Мудрого, западными соседями. Первым ученым, интегрировавшим этатистский и национальный элементы парадигмы возвращения/воссоединения, был Николай Устрялов, который в обзоре истории России утверждал, что все восточные славяне представляют собой единую российскую нацию, а также указывал на стремление разных частей Руси к объединению. Идеи Устрялова, высказан-

¹⁰ См.: О. Субтельний, Україна: Історія, с. 259.

ные впервые в 1830-х годах, задали направление интерпретации отношений России с ее восточнославянскими соседями многим поколениям российских историков. На рубеже XIX–XX веков видоизмененная версия тезиса Устрялова стала стержнем идеи Василия Ключевского о природе всероссийской истории¹¹. Пантелеймон Кулиш, написавший «Историю воссоединения Руси», не только перенял эту мысль, а и популяризировал новый термин – «воссоединение». Это же касается и русофильской историографии Галичины XIX века, но большинство украинских историков во главе с Михаилом Грушевским отбросили парадигму «воссоединения». Они рассматривали Украину как отдельную нацию, которая вела свое происхождение из Киевской Руси: она не отчуждалась от других наций, а следовательно, не испытывала необходимости в «возвращении» или «воссоединении» ни с одной из других частей¹².

¹¹ Об интерпретации российско-украинских отношений в российской имперской историографии см.: Stephen Velychenko, *National History and Cultural Process: A Survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian, and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914*, Edmonton, 1992, с. 79—140.

¹² О «деконструкции» российского имперского нарратива, которую осуществил Грушевский см. мою работу «Великий переділ».

«Портрет историка Михаила Петровича Погодина». В Пе-

Ранние советские историки соглашались с Грушевским в вопросе восприятия России, Украины и Беларуси как отдельных наций и придерживались принципа отдельности их исторических нарративов всех периодов, кроме времен Киевской Руси и революции 1917 года. Однако в 1930-е годы данный принцип был пересмотрен, а в интерпретацию Переяславской рады были возвращены элементы давнего имперского подхода. Вместо толкования договора как плода российской имперской политики отдали предпочтение формуле «меньшего зла», согласно которой присоединение казачьей Украины, осуществленное Москвией, считалось лучшей альтернативой, чем подчинение ее Османской империи или Польскому королевству. В послевоенные годы, когда классовый дискурс пришел в упадок, а в советских исторических трудах заново всплыл русскоцентричный национальный подход, понятие «присоединение» полностью отбросили, а взамен вернули понятие «воссоединение». Для описания Переяславской рады выдумали новую формулу «воссоединение Украины с Россией»¹³. Эта старая-новая парадигма учла советское толкование украинской истории как отдель-

¹³ Об интерпретации российско-украинских отношений в советской историографии 1940—1950-х годов см.: Serhy Yekelchyk, *Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination*, Toronto, 2004 (укр. пер.: Сергій Єкельчик, *Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві*, Київ, 2008).

ного предмета и принимала положение о том, что к середине XVII века существовали две отдельные восточнославянские национальности. Однако попытка объединить дореволюционные и послереволюционные историографические концепции столкнулась с противоречием. Как Украина могла воссоединиться с Россией, если, согласно официальной версии, в Киевской Руси не было россиян, украинцев и белорусов?

Николай Устрялов

Михаил Грушевский

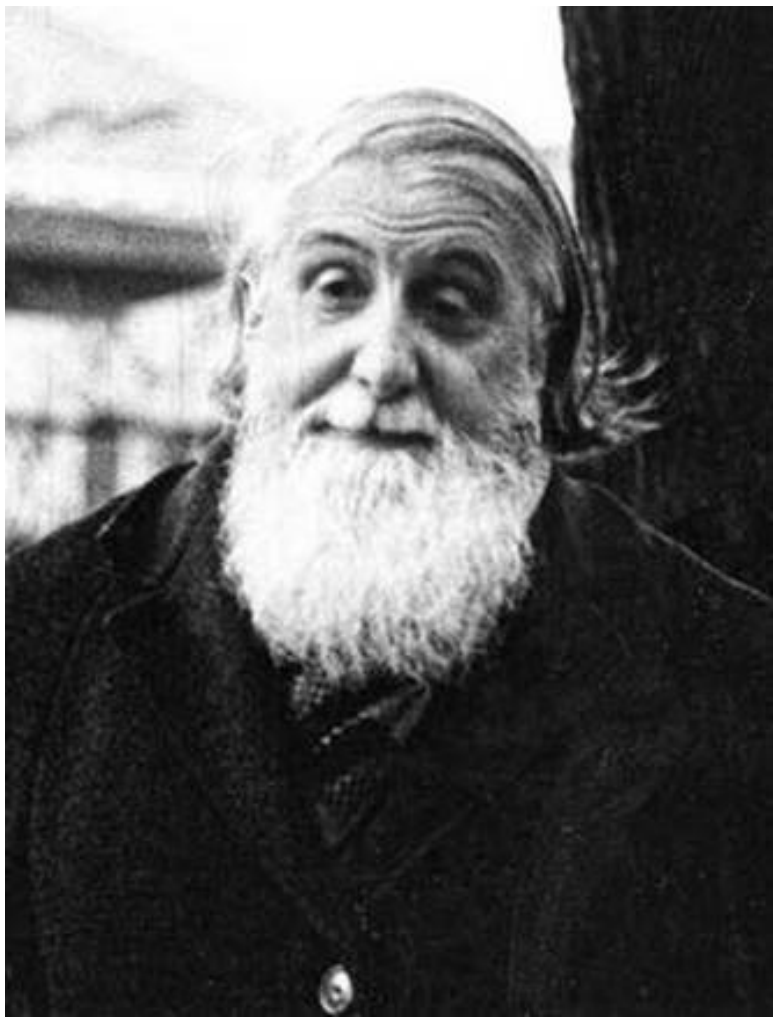
Советские историки неохотно поднимали подобные вопросы, тем не менее, либеральная оттепель 1960-х годов создала атмосферу, в которой возникла возможность полуофициального отрицания парадигмы воссоединения. Оно представило в форме статьи «Присоединение или воссоединение?», написанной украинским историком Михаилом Брайчевским в 1966 году. Намереваясь опубликовать свою статью в советском научном журнале, Брайчевский совершил попытку развенчать парадигму воссоединения, обратившись к классовому дискурсу марксизма 1920-х годов. Он также указал на противоречие между русскоцентричной парадигмой и декларациями Коммунистической партии о равенстве советских наций. Коллеги Брайчевского из Академии наук УССР на первых порах поддержали его позицию, а один из них посоветовал ему ознакомиться с работой белорусского историка Лаврентия Абецдарского, который также поставил под сомнение корректность понятия «воссоединение», хотя и в более мягкой форме. В любом случае, статью Брайчевского в СССР так и не опубликовали, она бытовала в самиздате, а на Западе была издана в 1972 году. Автора статьи в 1968 году уволили из Института истории Академии наук УССР, после чего он проработал два года в Институте археологии (1970–1972), однако оттуда его тоже выжили и на протяжении шести лет препятствовали поиску работы. Между тем летом 1974 года Институт археологии АН УССР организовал обсуждение статьи за закрытой дверью. Излишне гово-

ритель, что коллеги Брайчевского, в частности те, кто первоначально поддержал его, теперь торжественно осуждали взгляды, которые партийными вождями были признаны националистическими¹⁴.

¹⁴ См. текст статьи Брайчевского, протокол закрытого обсуждения 1974 года и ответ Брайчевского в кн.: Переяславская рада 1654 года, с. 294—430.

Пантелеймон Кулиш

Михаил Брайчевский

Научное обсуждение содержания и исторической роли Переяславского договора возобновилось только в конце 1980-х годов вместе с приходом гласности. Большинство украинских историков отбрасывали парадигму воссоединения, выдвигая для обозначения восстания Хмельницкого и последствий этого события вместо понятия «воссоединение» альтернативные термины «украинская революция» и «национально-освободительная война». Оба термина акцентировали внимание на национальных признаках восстания. Не менее решительно отвергали понятие «воссоединение» и концепцию, которую оно воплощало, белорусские специалисты по раннемодерной истории Восточной Европы¹⁵. Их российские коллеги были куда более лояльными к давним имперским и советским интерпретациям Переяславского договора. Авторы книги о раннемодерной политике России, изданной в 1999 году, и далее утверждали, что Россия в 1654 году вмешалась в польско-украинский конфликт, так как стремилась объединить три братских народа¹⁶. Один из лучших российских специалистов по дипломатической истории данного периода, Лев Заборовский, выступил с обоснованием дальнейшего употребления терми-

¹⁵ См., например: Генадзь Сагановіч, Невядомая вайна: 1654–1667, Менск, 1995.

¹⁶ См.: История внешней политики России. Конец XV–XVII вв., под ред. Г. А. Санина и др., Москва, 1999, с. 277–278.

на «воссоединение», утверждая, что в исторических источниках периода прослеживается желание украинского населения объединиться с Москвией. Впрочем, Заборовский не возражает, чтобы восстание Хмельницкого называлось «национально-освободительной войной», если считать, что эта война была направлена против поляков¹⁷. Также не готов был избавиться от термина «воссоединение» Борис Флоря, по мнению которого этот термин отражает интерпретацию Переяславского договора московской властью¹⁸. Очевидно, терминология «воссоединения» сохранила твердые позиции в российской историографии. Что же получается, еще не время прощаться с этим старым, проверенным термином и подходом? Переходя к более подробному рассмотрению московско-русских отношений первой половины XVII века, будем сохранять данный вопрос в поле зрения.

¹⁷ Об отношении современных российской и украинской историографий к термину «воссоединение» см. мою статью: Serhii Plokhy, «The Ghosts of Pereyaslav: Russo-Ukrainian Historical Debates in the Post-Soviet Era», *Europe-Asia Studies* 53, № 3 (2001), с. 489–505.

¹⁸ См. тезисы Флори с круглого стола, посвященного этнокультурной истории восточных славян (2001) в кн.: На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения, под ред. Леонида Горизонтова, Москва, 2004, с. 30.

Конец династии

Рецензируя работу Сергея Платонова, посвященную московским литературным памятникам Смутного времени (1890), Василий Ключевский отметил, что Платонов, слишком сильно увлекшись текстуальным анализом, полностью проигнорировал политические идеи, отраженные в памятниках. Согласно Ключевскому, который, со своей стороны, увлекался конституционализмом как альтернативой монархическому правлению последних Романовых, памятники пестрили идеями, близкими к его конституционным убеждениям: они будто бы утверждали первенство подданных над династией и отстаивали принципы конституционного правления в раннемодерной России¹⁹. Платонов, который затмил Ключевского как ведущего авторитета российской историографии в первые десятилетия XX века, и чьи труды о Смутном времени до сих пор входят в перечень самых авторитетных исследований по этой теме, учел критику, но не принял соображения Ключевского о конституционных стремлениях авторов памятников. Позже он рассматривал конец XVI – начало XVIII столетия в истории Московии как период стечения трех кризисов: династического, социального и нацио-

¹⁹ Критику взглядов Ключевского см.: Daniel Rowland, «The Problem of Advice in Muscovite Tales about the Time of Troubles», *Russian History* 6, № 1 (1979), с. 259–283.

нального²⁰. Среди современных историков наибольшее одобрение в исследованиях Платонова получило его выделение династического кризиса как одной из главных причин Смуты²¹.

²⁰ См.: Сергей Платонов, Смутное время: очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков, Москва, 2000.

²¹ См.: Dunning, «Crisis, Conjuncture, and the Causes of the Time of Troubles».

Сергей Платонов

Начиная с середины XV века Московское государство

не знало ничего, что могло бы сравниться с гражданской войной, которая разгорелась из кризиса престолонаследия в Смутное время. Этот кризис решить было сложнее, чем кризис XV века, потому что государство стало полностью независимым и не имело покровителя, который мог бы урегулировать подобный конфликт. Государство включало в себя большее количество разнообразных земель, часть которых имела собственную традицию суверенитета. Кроме того, борьба за царский престол велась в условиях прерывания главной династической ветви Рюриковичей, что еще больше усложнило ситуацию. Желание московских элит восстановить власть потомков Рюрика, по крайней мере частично объясняет появление претендентов на московский престол, поголовно утверждавших, что напрямую происходят от царей этой династии. Прерывание мужской линии Рюриковичей нарушило и частично делигитимизировало династическую мифологию, которая связывала московских правителей с римским императором Августом и служила краеугольным камнем исторической идентичности Московии. Например, в летописи, написанной около 1626 года, которую приписывают князю И. М. Катырёву-Ростовскому, сообщалось «о корени великих князей Московских, и о пересечении корени царскаго от Августа царя, и о начале инаго корени царей»²². Этот же автор прослеживал разницу между наслед-

²² См.: «Летописная книга, приписываемая князю И. М. Катыреву-Ростовскому», Хрестоматия по древней русской литературе, сост. Н. К. Гудзий, Москва,

ственным царем Иваном Грозным, который был «за свое отечество стоятелен», и выборным царем Борисом Годуновым, который «о державе своей много попечение имел»²³. Рюриковичи ненадолго вернулись к власти в результате воцарения представителя боковой линии рода, Василия Шуйского. Не удивительно, что его сторонники всячески отмечали рюриковское происхождение нового царя как преимущество, выводя его родословную через Александра Невского и св. Владимира от императора Августа²⁴. Однако правление Шуйского долго не продлилось, после чего к власти приходили цари не из Рюриковичей.

1973, с. 329–343, в частности с. 329; см. также: Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского, С.-Петербург, 1908.

²³ «Летописная книга», с. 341.

²⁴ См.: «Повесть о смерти и погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского», Хрестоматия по древней русской литературе, с. 314–321, в частности с. 315; также БЛДР, т. 14 (www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10865).

Рюрик в «Царском титулярнике». 1672 г.

Быстрая смена царей на московском престоле привела

к тому, что в сознании того времени образ правителя отделился от образа государства. Автор Карамзинского хронографа по случаю воцарения Василия Шуйского отмечал: «На Москве вора Гришку [Отрепьева] Ростригу убили, а на Московском государстве учинился государь царь и великий князь Василий Ивановичь всеа Руси»²⁵. Этот отрывок позволяет читателю сделать вывод, что цари и даже династии могут приходить и уходить, а Московское государство остается. Элита, боясь внутреннего предательства и вражеского нападения, делала государство, а не конкретного правителя, главным объектом своей лояльности²⁶. То, что государство рассматривали как институт, отдельный от поста царя, было новым шагом в политической мысли Московии. Политические, исторические и литературные памятники, которые появились во времена Смуты или сразу после нее, дают целый спектр названий, которыми современники обозначали свое государство. На рубеже XVI–XVII веков Московию, как правило, называли словом «государство», которое име-

²⁵ См.: «Из “Карамзинского хронографа”» в кн.: Восстание И. Болотникова. Документы и материалы, Москва, 1959, с. 109–119, в частности 109.

²⁶ «И по се время мало не до конца Росийское царство ему, врагу, передали», – писал современник о намерениях московских «предателей»; см. «Новая повесть о преславном российском царстве и великом государстве Московском», Хрестоматия по древней русской литературе, с. 305–312, в частности с. 307. Полный текст см.: Н. Ф. Доброленкова, Новая повесть о преславном российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность, Москва – Ленинград, 1960, с. 189–209; также БЛДР, т. 14 (www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10866).

ло два значения: с одной стороны, правление царя, а с другой – его территориальные владения²⁷. Кроме термина «*Московское государство*», раннемодерное государство также называли «*Московское царство*», «*Российское государство*», «*Российское царство*» и «*Российская держава*». Все эти термины употребляли взаимозаменяемо. Когда же авторы писали о территории и населении, они пускали в ход такие термины, как «*Россия*», «*вся Россия*», «*Великая Россия*», «*Руская земля*» или «*Российская область*». Семантическое различие между этими терминами и теми, которыми обозначали Московское государство, заметно по такому предложению в рассказе того времени о намерениях мятежников под предводительством Ивана Болотникова (1607): «*Всех людей прелстят Росийския области, и Московского государства да доступят*»²⁸. В данном конкретном контексте «*Росийская область*» обозначает территорию и население, а «*Московское государство*» – политический институт.

²⁷ См.: Shields Kollmann, «Concepts of Society and Social Identity in Early Modern Russia», в кн.: *Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine*, с. 40–41, ср.: András Zoltán, «Polskie “państwo” i rosyjskie “gosudarstvo”», *Zeszyty naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego: Filologia rosyjska*, № 10 (1982), с. 111–115.

²⁸ См.: «Из “Иного сказания”», *Восстание И. Болотникова*, с. 92–103, в частности с. 92.

Патриарх Гермоген

Другое важное понятие того времени – «земля». К началу XVII века оно заняло важное место рядом с термином «государство». С одной стороны, термин «земля» использовали как синоним «государства», о чем свидетельствует такой отрывок из «Новой повести»: «Посреди наша великия земли, сиречь посреди нашего великаго государства»²⁹. С другой стороны, под ним понимали московское общество в целом как категорию, отдельную от правителя и центральной власти³⁰. Новые политические обстоятельства и новые правила публичного дискурса ставили царя в большую, чем ранее, зависимость от воли земель в вопросах избрания и дальнейшей реализации своих полномочий. Один из авторов того времени осудил Лжедмитрия I, в частности за то, что он «внезапно и самодвижно воздвигся кроме воли всеа земли и сам царь поставися»³¹. В 1606 году патриарх Гермоген утверждал, что царь Василий Шуйский действовал против мятежников, так как это было его «государево и земское дело»³². Бытовало даже предположение, что землей можно управлять (или же

²⁹ См.: «Новая повесть», с. 307.

³⁰ Колман дает такое определение этому термину: «В общем “землю” представляли отдельно от царя, у привилегированных воинских чинов и государственно-го аппарата. В употреблении термина “земля” владения царя были довольно четко отграничены от остальной общественной сферы; это различие становится заметным с середины XVI века» («Concepts of Society and Social Identity», с. 41).

³¹ См.: «Из “Временника Ивана Тимофеева”», в кн.: Восстание И. Болотникова, с. 125; см. также БЛДР, т. 14 (www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10941).

³² См. выписку из грамоты патриарха Гермогена, написанной в июне 1607 года, в кн.: Восстание И. Болотникова, с. 215–216.

она будет самоуправляться) без царя. Хотя такой взгляд и отклонялся от общей нормы, все же появился специальный термин «*земледержцы*» для обозначения членов боярского совета, который взял на себя власть в Москве в 1610 году³³.

Постановка «земли» на ведущее место в нарративах того времени отражала к тому же усиление роли институции, которая в предыдущие десятилетия находилась, в лучшем случае, на заднем плане, – земского собора³⁴. Земскому собору было доверено выбирать новых царей, когда династия Рюриковичей прервалась. Мало того, во времена Смуты выборы на земском соборе рассматривали как единственный легитимный способ посадить на престол нового царя, из какой бы династии он ни происходил. То, что представителя династии Рюриковичей, Василия Шуйского не выбирали на таком соборе, весьма повышало его легитимность в глазах некоторых подданных³⁵. На земских соборах было представ-

³³ См.: «Новая повесть», с. 311.

³⁴ Колман считает, что земские соборы «следует рассматривать скорее как часть совещательного процесса, а не как формальные институции, а тем более протопарламентского типа» («Concepts of Society and Social Identity», с. 3).

³⁵ Авраамий Палицын по этому поводу отмечал: «По убиении же Розстригине в четвертый день малыми некими от царьских полат излюблен бысть царем Василей Иванович Шуйской и возведен бысть во царьский дом, и никим же от велмож не пререкован, ни от прочего народа умолен, и устроися Россия вся в двоемыслие: ови уво любяще, ови же ненавидяще его» («Из “Сказания Авраамия Палицына”» в кн.: Восстание И. Болотникова, с. 126–127, в частности с. 126). Полный текст см.: Сказание Авраамия Палицына, ред. О. Державин, Е. Колозов, Москва – Ленинград, 1955; см. также БЛДР, т. 14 (www.pushkinskiydom.ru/

лено все непосполитое общество, в частности бояре, духовенство, служивое дворянство, мещане и даже казаки. Идея «земли» была ближайшим пунктом к понятиям «нация» и «отчизна», которого достигла Московия в начале XVII века. Кроме того, «земле» приписывались сверхъестественные способности, как недавно отметила Валери Кивельсон: «Голос земли понимали как воплощение божественного выбора»³⁶. В контексте всего государства при помощи данного понятия можно было побуждать местные сообщества ставить перед собой «всероссийские» цели, как случилось в случае движения, которое привело к восшествию на престол Михаила Романова. Однако в вольной интерпретации это понятие могло поощрять регионализм, вплоть до отсоединения. Если пренебрегали мнением какого-либо конкретного региона, местные элиты могли обосновать свое право восстать во имя земских интересов. Согласно рассказу голландского купца Исаака Массы, население Северщины (которая охватывала Чернигов и близлежащие земли) обосновывало свое восстание против Василия Шуйского тем, что москвичи (жители Москвы) беспричинно убили легитимного венчанного царя (Лжедмитрия I), не посоветовавшись с ними³⁷.

Default.aspx?tabid=10874).

³⁶ См.: Valerie Kivelson, «Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom», *Journal of Modern History* 74 (September 2002), с. 465–489, в частности с. 474.

³⁷ См. выписки из записей Исаака Массы в кн.: Восстание И. Болотникова, с. 134–149, в частности с. 134.

Исаак Масса. *Ф Халс*, 1626 г.

Кузьма Минин

Как правило, термин «земля» употребляли для обозначения какого-либо отдельного региона Московского государства или всей территории Московского царства, однако, учитывая политическую раздробленность, он также мог выходить за пределы Московии. Речь идет о провозглашении в 1611 году отдельной Новгородской державы («государства») под шведским протекторатом. В договоре, заключенном между Новгородом и Швецией, было оговорено возможное присоединение «Московского и Владимирского государств» к Новгородскому государству³⁸. В некоторых документах того времени фигурировали ссылки на Казанское государство и упоминания о Владимирском государстве³⁹. При таких обстоятельствах ссылки на «*всю землю*» и «*русскую землю*» приобретали «сверхгосударственное» значение, которое существовало в XV – начале XVI века. Они настаивали на идее культурного единства политически раздробленного географического пространства. Достаточно выразительны в этом смысле упоминания в московских литературных памятниках о видении Кузьмы Минина: ему явился св. чудотворец Сергей, которого в XIV веке считали «покровителем Московского царства и всей Российской земли»⁴⁰. Давнее сверхгосударственное значение терминов «вся зем-

³⁸ См.: Г. М. Коваленко, «Договор между Новгородом и Швецией 1611 года», Вопросы истории, № 11 (1988), с. 131–134.

³⁹ См.: N. Kollmann, Concepts of Society and Social Identity, с. 40–41.

⁴⁰ См.: V. Kivelson, Muscovite “Citizenship”, с. 471–472.

ля» и «вся Россия» обретает новую жизнь в сказании Авраамия Палицына. Он писал о восстании на пограничных землях, к которым принадлежали Рязанщина, Северщина, Смоленщина, Новгород и Псков. Рассматривая восстание на Черниговщине (Северщине), он проводил параллели с Новгородом, поскольку оба региона были недавними достояниями Московского царства: «Севера же внят си крепце от царя Ивана Васильевича последнего Новугороду розгром бывший, и такового же мучительства не дождался на себе, вскоре отлагаются от державы Московския, занеже много зла содеяша всей Росии, егда возводяще Ростригу на царство Росийское, и конечно отчаяшася братства христианского, и приложишася к Полскому королевству в работу»⁴¹. Следовательно, среди причин Смуты, которые вынуждали некоторые регионы искать чужеземной протекции, Палицин усматривал региональные обиды и незащищенность от несправедливостей, которые оказывал московский центр. Случай Северщины казался Палицину примером регионализма, а не поисков государственности, по его мнению, Северщина была частью «всей Росии».

⁴¹ См.: «Из “Сказания Авраамия Палицына”», с. 126.

Границы московской идентичности

Если жителей Чернигова (или Новгорода) не считали чужаками или неверными в Московии, то где же тогда москвиты начала XVI века проводили границу между собой и «другими»? В поисках ответа на этот вопрос начнем с выяснения того, как москвиты представляли сами себя, а источниками нам послужат литературные памятники первых десятилетий XVII века. Вырисовывается довольно запутанная картина. С одной стороны, и церковные, и светские писатели считали себя частью московского, или российского народа. С другой стороны, чтобы описать себя и свой народ, они в основном использовали термины, состоящие из прилагательных («*московские люди*» или «*русские люди*»), тогда как соседей обозначали существительными («*лях*», «*немец*» и др.). Существительное «*русин*», которое использовали в древних московских текстах и бытовало в Беларуси и Украине для обозначения местного населения, кажется, совсем не фигурирует в московских текстах начала XVII века. Термин «народ», который иногда всплывает в московских литературных памятниках того времени, не имеет значения «*нация*» или «*этнокультурная общность*», как это было в Украине и Беларуси; он попросту означает множество людей.

Существительные, используемые москвитами для обозначения себя, обычно имели не этнонациональный

(этноним «Русь» редко использовали для этого), а политический («москвич») или религиозный («православные», «христиане») характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.